

Игумен МАКАРИЙ (Веретенников)

ВСЕРОССИЙСКИЙ МИТРОПОЛИТ АФАНАСИЙ (1564—1566)

Жизнь и деятельность Всероссийского митрополита Афанасия, преемника по кафедре выдающегося первоиерарха Русской Церкви XVI века — святителя Макария, освещена весьма незначительно в трудах по истории Русской Церкви¹. Это вполне понятно, так как он был на митрополичьей кафедре всего около двух лет, т. е. в десять раз меньше своего предшественника. Кроме того, при нем не было Соборов, подобных тем, которые были в 1547, 1549, 1551 годах; наконец, он не занимался собиранием Великих Четых Миней. Поэтому митрополит Афанасий оказался в некоторой степени затененным святителем Макарием. Между тем, его личность и деятельность заслуживают, несомненно, внимания и изучения вообще сами по себе и по отношению к митрополиту Макарию как предшественнику, в частности. Этому способствует накопившийся обширный источниковедческий и историографический материал по отечественной истории XVI века.

С. И. Смирнов говорит, что митрополит Афанасий был «родом переяславец»². В миру будущий святитель носил имя Андрей, был женат и служил пресвитером в одном из переяславских храмов. При этом он был духовным сыном преподобного Даниила Переяславского. Был случай, когда священник Андрей на пути из Москвы вместе с другими подвергся нападению разбойников, но избавился призыванием имени Преподобного. Однажды старец Даниил предрек ему: «Ныне христоролюбивый самодержец избрание сотворяет о духовном си советнице в бывшего место. Ты же, аще и не хочещи, но будещи тамо в предидущая лета». В житии добавлено: «Еж и бысть, по проречению его, в десятое лето по преставлении святаго»³. Таким образом, преподобный Даниил предрек своему духовному сыну, что он будет духовником царя Иоанна IV. Необходимо отметить, что Преподобный вместе с Кассианом Босым, сподвижником преподобного Иосифа Волоцкого, был крестным отцом при крещении Иоанна Грозного. В одном памятнике читаем: «Се бо царь наш премудр рассуди, благо творя себе и сынови своему, избра приемников неленостных молитвенников състаревшихся в добродетелех. Оба бо мниси бяху прослуты в добродетелех: случи же ся обама быти от обители Пафнутия чудотворца, еже есть в Боровску. Един бо священства дар имеяй, иже в многих летех благоговейне предстоя олтарю Господню и от основания въздвиже великую обитель Всех святых, еже есть в Переяслави, всех святых прилежай добродетелем, всех странных и беспомощных погребаше и упоковаше достойно. И многыя его ради добродетели избран быв в таковое служение. Бяше же ко всему тих и кроток, яко же речеса: душа проста благословенна от Бога. Сей убо Данил Преславскыи именуем»⁴.

Поскольку преподобный Даниил скончался в 1540 году, то его проречение своему духовному сыну о духовничестве у царя, можно думать, исполнилось в 1550 году⁵. Великокняжеские и царские духовники обычно были протопопами придворного Благовещенского собора в Кремле. Можно предполагать о его вероятном участии, как царского духовника, в заседаниях Стоглавого Собора в 1551 году.

Во всяком случае, в 1552 году во время казанского похода при царе был его духовник — протопоп Благовещенского собора Андрей. На пути к Казани, во Владимире-на-Клязьме, он сподобился чудесного исцеления у мощей святого Александра Невского, о чем от лица исцеленного говорится в Лицевом летописном своде: «И видех близ помосту церковнаго на гробе Блаженнаго малу скважню, и яко уразумеши хотя, что есть скважня она, и вложих руку мою во скважню ту и очютих, яко в масть некую омочих руку мою, на нейже бяше струп некаков мал от многа времени.

И абие исторгнух от скважни руку мою, и чюящеса на ней, яко маслом маститом или яко миром благовонным помазана, и струп на ней не обретеса от дне того и донныне»⁶. При подходе к Казани царь приходит к отцу своему духовному — протопопу Андрею, и тот благословляет его Крестом, говоря: «Дръзай, слуго Божий. ибо Той победит врагы, яко Человеколюбец, человеколюбив бо Владыка наш Христос!» «Крестом его ограждает, и царь же крестом благословляется, а на враги ополчается»⁷. Накануне взятия города «был государь наедине с отцом своим духовным Андреем протопопом... и слышит звоны многие и ближним своим говорит: «Звоны де слышно, как Симонова монастыря звон»⁸. Утром царь молился в походном храме во время Божественной литургии, которую, очевидно, совершал его духовник. При чтении диаконом евангельских слов: «И будет едино стадо и един Пастырь»⁹ раздался мощный взрыв, в крепостной стене образовался пролом, и начался последний штурм Казани. По окончании литургии царь «прииде ко образу чюдотворца Сергия и приложися к нему и любезно целова образ и рече: «Угодниче Христов, помогай, помогай нам молитвами твоими!»... и благословляет его отец его духовный незрядый Андрей протопоп животворящим крестом». После взятия Казани царь воссылает благодарственную молитву Всемилостивому Спасу и Богородице, упоминая при этом и святых, прославленных незадолго перед этим на Соборах 1547 и 1549 годов: «О Всемилостивая Владычице Богородице, Ты с всеми святыми да и с нашими заступники в овьми чюдотворцы Рускими умолила еси Господа нашего Иисуса Христа с безначальным Отцем и Животворящим Духом, да услыша Господь молитву Твою и дал нам победительная на сопостаты и покорил врагы наша под ноги наша»¹⁰. Летописи сообщают о молебнах, которые служил царский духовник под Казанью, с прошением о ниспослании русскому воинству победы, а затем о возношении им хвалы Господу за покорение града. Все это характеризует его как большого молитвенника¹¹. При въезде в покоренный град впереди царя был «з животворящим крестом Андрей протопоп». Ему же пришлось освящать новопокоренный град и первые храмы в нем — Преображенский и Благовещенский с приделами в честь благоверных князей Бориса и Глеба и благоверных Петра и Февронии Муромских¹². Завершился Казанский поход торжественной встречей в Москве царя-победителя населением стольного града во главе с митрополитом Макарием.

Впервые имя благовещенского протопопа Андрея появилось в летописях, как видим, при описании военного похода. Встречаются сообщения о нем и в дальнейшем, причем круг источников начинает расширяться. Протопоп Андрей был один из тех, через кого преподобный Максим Грек в 1553 году передал свое неблагоприятное видорозовешему от «огневой» болезни царю на его путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь¹³. Однако царь все-таки послал. По возвращении из поездки благовещенское духовенство в присутствии своего настоятеля-протопопа сообщило ему о сретичестве Матвея Башкина¹⁴. Еще раньше к протопопу Андрею, как к иконописцу, обращался царский дяк Иван Висковатый со своими недоумениями о написании икон¹⁵. В 1554 году в Чудовом монастыре было совершено крещение царевича Иоанна, «а принял его от купели митрополит Макарей всея Руси, а священная деял Аньдрей протопоп Благовещеньской»¹⁶. Почти через год было совершено торжественное посвящение первого Казанского архиепископа, когда, по выражению летописца, служило в Успенском соборе 76 человек, «опричь подъяков». Среди них назван и царский духовник — участник казанского похода. Летом того же года в Москву был принесен образ святителя Николая Великоорецкого, который вместе с митрополитом Макарием «поновлял Андрей протопоп Благовещеньский». Персид тем, как митрополит Макарий совершил крещение второй жены Иоанна Грозного — Марии Черкасской, ее «Андрей протопоп Благовещеньской огласил ко крещению и нарек ей имя во имя святыя Марии Магдалины»¹⁷. При переговорах с литовскими послами протопоп приносил царю «крест вздвизальный на пелене, положен на блюде» для целования при утверждении заключаемых договоров¹⁸. В Псковской летописи говорится, что за два года до возведения в митрополиты протопоп Андрей принял постриг в Чудовом монастыре¹⁹.

Таковы различные свидетельства о протопопе Андрее до избрания его в митрополиты на Всероссийскую кафедру. Их может дополнить Повесть о кончине митрополита Макария († 31 декабря 1563 г.). Когда святитель заболел, то царь велел навещать его «духовнику своему старцу Афонасию»²⁰. Он же участвует в совершении таинства Елеосвящения над больным митрополитом. Незадолго до кончины святитель Макарий пожелал уйти на покой в место своего пострижения — в Пафнутиево-Боровский монастырь, о чем написал царю. «И писмо то ко государю посла старцем Афонасием з духовником»²¹. Перед своей кончиной митрополит послал «по духовника государева», который, придя, уже не застал в живых святителя. «Старец

Афанасий прииде после преставления и поиде о том сказывати боговенчанному царю... И повеле (царь.—И. М.) старцу Афанасию и козначею Корнилию погребалная готовить, яко же подобаше и прочим святителем»²².

Избранию иеромонаха Афанасия в митрополиты предшествовал Собор 1564 года. В соборной грамоте отмечается вдовство Митрополита: «И понеже убо случился в наших летах сице, во еже первопрестолнику святейшиа Митрополита Русския отцу нашему и богомолцу Макарию митрополиту всяя Руси общедателный долг всех общему Владыке Царю Христу отдавши и от земля ненакончаемый он век прешедше...». На этом Соборе Всероссийскому митрополиту было усвоено право носить белый клобук и ставить на своих грамотах печати из красного воска²³.

Собор, согласно летописи, заседал 9 февраля, а позднее, 24 февраля, «царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси и сын его царевич Иван с своими богомолцы с архиепископы и епископы и со всем освященным собором избрал в дом Пречестныя Богородици и к великим чудотворцем к Петру и Ионе в митрополиты от Архистратига Михаила Чюда старца Афанасия, прежебывшего благоवेशенского протопопа и духовника царя и великого князя, и возведоша его на митрополитич двор. А марта в 5 день, в третье воскресенье Великаго поста, повелением благочестиваго царя... поставлен бысть на Митрополити старецъ Афанасий, прежебывший протопоп благоवेशенский, русскими архиепископы и епископы... всем освященным собором. А Казаньского архиепископа Гурья в то время в животе не стало; а Акакий епископ Тферский и Кашиинский в велицей болезни у себя, а прислал о том грамоту, что он с архиепископы и епископы и со всем освященным собором на митрополитиче поставление единомышлен»²⁴. В свете решений предшествовавшего Собора Чин поставления митрополита уже имел важное дополнение. «По совершении же Божественныя Литургии и по снятии с митрополита служебныя одежды положили на него архиепископы и епископы икону золоту воротную и монатию со источники и клобук белой...» Историк митрополит Макарий предполагает, что на избрание протопопа Андрея в митрополиты повлияло его духовничество в прошлом и избравшие «могли надеяться, что новый первосвятитель более других в состоянии будет действовать на Иоанна и пользоваться его расположением»²⁵.

Став митрополитом, бывший царский духовник продолжает свое попечение о государевой семье. В конце апреля им была пострижена в Новодевичьем монастыре «великого князя брата княже Юриева Васильевича княгини Улиана... а наречена бысть во иноцех Александра»²⁶. Новый митрополит по обычаю обращался к царю о помиловании тех, на кого пала государева немилость. Однако, как отмечает П. Янковский, митрополит Афанасий «был несчастливем святителя Макария, т. е. его печалование было менее успешным, чем у его предшественника»²⁷. Нечто аналогичное можно сказать и в отношении дипломатической деятельности, в которой принимал активное участие святитель Макарий. Но это было исключительное явление в русской практике, и после его кончины «восстанавливается старый статус неучастия митрополитов в дипломатических переговорах». Поэтому, когда в 1565 году в Москву прибыл литовский гонец и выразил желание увидеть митрополита Афанасия, то ему сказали, что тот «строит вещи церковные, а в те ни в которые ся дела не вступает»²⁸.

За время своего первосвятительства митрополит Афанасий освящал храмы, о чем познествует нам летопись²⁹. Более подробное описание освящения митрополитом соборного храма в Никитском монастыре в 1564 году имеется в Житии преподобного Никиты Переяславского. Вместе с царской свитой митрополит Афанасий прибыл в Переяславль — место своих священнических трудов. «И освящена бысть церковь Христова мученика Никиты новосвятейшим архиепископом Афанасием митрополитом всеа Руси, месяца мая в 14 день, на память святого мученика Исидора и другого Сидора, Христа ради уродиваго, Ростовского чудотворца. И быша же на освящении той церкви со святейшим Афанасием митрополитом: Никандр, архиепископ Ростовский...³⁰ мнози игумены и священники, соборне служивша со архиепископом святейшим Афанасием митрополитом всеа Руси, по всем престолом той обители, хвалу воздающе Богови и угодником его, великому Христову мученику Никите и преподобному мученику Никите Переаславскому чудотворцу»³¹. Далее в Житии говорится, что митрополит Афанасий служил затем в Троицком монастыре, основанном его духовным отцом — преподобным Даниилом Переяславским. Возвращаясь в Москву, он посетил Троицкий монастырь преподобного Сергия.

Данная повесть в Житии преподобного Никиты Переяславского, как отметил В. Ключевский, была написана никитским игуменом Вассианом³². Автор паряду с прославленными Московскими святителями называет в своем труде и «новейшаго Макария митрополита». Из Переяславля царь направился под Можайск, что было

вызвано нападением литовских войск. Вернулся он из похода «в преименный град свой зовомуу Москву на свой царский стол и вниде во храм Пречистые Богородици честнаго Ея Успения и благословение восприм от отца своего святейшаго Афонасия митрополита всеа Русии, и у образов честных прикладашеся, и у великих чудотворцов Петра, Алексея, Ионы и у новопреставляшагося архиепископа Макария митрополита и у честных их гробов прикладашеся и образы их любезно деловаше»³³.

В то время шла Ливонская война и митрополит Афанасий обращался с Богомольной грамотой к епископу Сарскому и Подонскому Матфею, призывая его к усиленным молитвам: «И ты б, сыну, пожаловал, о том настоящем времени со всем священным собором в церкви пели молебны по вся дни и особне по кельям и по дому, и молили всеилнаго Бога и Пречистую Богородицу, и небесных сил, и святых новых чудотворцов и всех святых... Чтоб Господь Бог избавил боговенчаваго царя государя нашего и его царевичев, и все христоролюбивое воинство ото всех враг видимых и невидимых и междуусобная брани и не попустил бы богомерзкия латыни, злейших иконоборцов, поганые Литвы и бессеренства на святыха Божии церкви и на все православное крестьянство»³⁴.

Никуновская летопись сообщает о трех архиперейских хиротониях, совершенных митрополитом Афанасием: второго Казанского святителя — архиепископа Германа († 1567; память 6 ноября) и епископов Коломенского Иосифа и Крутицкого Галактиона³⁵. Давал митрополит Афанасий и льготные грамоты различным монастырям и храмам³⁶.

При митрополите Афанасии царь давал первосвятительской кафедре различные жалованные грамоты, которые подтверждались в последующее время³⁷.

1 марта 1564 года, за несколько дней до интронизации митрополита Афанасия, когда он уже был нареченным, диакон Иоанн Федоров и Петр Мстиславец напечатали богослужебный Апостол. М. Тихомиров говорит: «Первопечатный «Апостол» был подарком новому митрополиту»³⁸. Как указывает А. С. Зернова, при митрополите Афанасии в сентябре — октябре 1565 года выходят два издания Часослова³⁹. В послесловии отмечается, что их печатание было благословлено митрополитом Макарием, но осуществлялось при его преемнике: «По благословенноу преосвященного Макария митрополита всеа Русии... во второй год святительства Афанасия митрополита всеа Русии...»⁴⁰.

3 декабря 1565 года произошло событие, изменившее привычный ход жизни русского общества. С многочисленным обозом царь покинул Москву. «На Москве же тогда быша Афонасий митрополит всеа Русии, Пимин архиепископ Великаго Новгорода и Пскова, Никандр архиепископ Ростовский и Ярославский и ины епископы и архимандриты и игумены, и царевы и великого князя бояре и околичиче и все приказные люди; все же о том в недоумении и во унынии быша, такому государьскому великому необычному подъему, и путного его шествия не ведамо, куды быше»⁴¹. Началась опричнина, средоточием которой стала Александрова Слобода. Чрезвычайные обстоятельства понудили митрополита очень скоро оставить Митрополию и уйти на покой «в монастырь к Михайлову Чюду на свое пострижение»⁴². А. Зимин говорит: «Уход Афанасия с митрополичьего престола мог быть вызван его недовольством опричными репрессиями, обрушившимися на близких к нему политических деятелей. Шлихтинг сообщал, что после казни Овчины-Оболенского «некоторые знатные лица и вместе верховный священнослужитель сочли нужным для себя вразумить тирана воздерживаться от столь жестокого пролития крови»⁴³. Поэтому, когда позднее на Соборе решался вопрос о продолжении Ливонской войны, летопись замечает: «А митрополита у того приговору не было, что Офонасей митрополит в то время Митрополию оставил»⁴⁴. Последнее летописное упоминание об ушедшем на покой митрополите относится к 1567 году: «Того же лета, июля, поведением государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии поновлен бысть образ Пречистые Владимирские Луккина письма Евангелиста, златом и камнем украшен многогим, что стоит в Пречистой соборной в богоспасаемем граде Москве; а поновлял бывший митрополит Афонасей»⁴⁵. Б. Клосс, основываясь на показании пергаментаго Синодика Троице-Сергиева монастыря, говорит, что в 1575 году ушедшего на покой митрополита Афанасия «уже не было в живых»⁴⁶. Погребен он был в Чудовом монастыре. В этом монастыре, кроме основателя — святителя Алексея, были погребены архиепископ Новгородский Геннадий, позднее патриарх Всероссийский Ермоген и другие»⁴⁷.

Теперь следует остановиться на писательских трудах митрополита Афанасия. Самым первым, известным нам произведением, вышедшим из-под его пера, является Житие преподобного Даниила Переславского. В. Ключевский дает такую характе-

ристку ему: «К самым обширным и лучшим биографиям Макарьевского времени принадлежит Житие Даниила Переяславского, преставившегося 7 апреля 1540 года»⁴⁸. С. Смирнов относит благословение митрополита Макария и повеление царя о написании Жития ко времени между 7 апреля 1553 года и 7 апреля 1554 года⁴⁹. Сам автор говорит по этому поводу: «Многажды же в повестех глаголанно бе о сем старце и у самого самодержца благочестиваго и великаго князя Ивана Васильевича, внука же великаго князя Ивана Васильевича стараго, такоже и у пресвященнейшаго митрополита Макария, воспоминаемо быше житие его, и писати намо повелеваху»⁵⁰. Царское и митрополичье единодушие в этом вопросе вполне понятно. Для Иоанна Грозного Преподобный — крестный отец; для Святителя — духовный друг и постриженник того же монастыря преподобного Пафнутия Боровского. «Бяху бо архиепископ Макарий (Новгородский, будущий митрополит. — И. М.) з Данилом единыя обители постриженне имуши. Архиепископ же духовную любовь имаше к старцу и потребная монастырю посылаше»⁵¹.

Автор скромно именует себя в Житии в третьем лице: «некто церковник, иже бе знаем был преподобному Данилу». Он говорит, что всегда Преподобного призывал в молитвах. Чудесным образом святой подвижник предсказал своему духовному сыну, что он будет со временем царским духовником, а позднее — монахом. Учитывая объем и высокие достоинства Жития, можно думать, что оно не является первым трудом протопопа Андрея и что его писательская деятельность началась не после Казанского похода⁵². Очевидно, его ранние труды либо не сохранились, либо их атрибуция — дело будущего. Во всяком случае представляется весьма промыслительным тот факт, что хронологически первый, известный нам его труд посвящен его духовному отцу — преподобному Даниилу Переяславскому.

Другим его трудом является Похвальное слово на перенесение мощей святителя Николая. Оно имеет следующее надписание: «Многогрешного и грубаго и недостойнаго прозвитера Андрея, бывшаго причетника и клирика соборныя Церкви и апостольския в русских странах прменитаго града Москвы»⁵³. Здесь нужно вспомнить принесение в Москву иконы святителя Николая Великорецкого 29 июня 1555 года. «И обновлял образ Николаы чудотворца сам Макарей митрополит, бе бо иконному писанию навичен, а с ним Андрей протопоп Благовещеньской со многым желанием и верою, постом и молитвою. От образа же его наипаче чудотворение с верою просящим прензоблиудет, и много образов с него пишуше мерою и подобием, и ото всех чудотворенна быша многым верным»⁵⁴. Позднее летопись опять возвращается к этой чудотворной иконе. 3 августа 1556 года «отпущен образ на Вятку Николаы Великорецкого обновлен, а обновлял его и почивал митрополит сам Макарей всея Руси да Андрей протопоп Благовещенской, иконному бо писанию митрополит и Андрей научени сей хитрости. И украсиша его златом и жемчужом и камением драгоценным»⁵⁵. В 1556 году к празднику перенесения мощей святителя Николая, по-видимому, и было составлено отцом Андреем Похвальное слово «наместнику и подражателю святых Апостол». Замечательный исследователь древнерусской литературы Е. В. Барсов, опубликовавший данное Слово по рукописи XVI века, к которому он из-за дороговизны на ярмарке не смог приобрести, не отнес его к перу царского духовника. Подобная атрибуция была сделана академиком Н. Никольским⁵⁶.

На последние годы жизни святителя, т. е. когда будущий митрополит Афанасий подвизался иноком в Чудовом монастыре, приходится его труд по составлению и редактированию Книги степенной царского родословия. Исследователь этого памятника П. Васенко говорит о времени его составления: «Есть данные для предположения, что временем составления Степенной были 1560—1563 годы. Во всяком случае можно утверждать, что окончательная обработка Степенной относится к марту — декабрю 1563 года»⁵⁷. Чудовский инок под мудрым руководством святителя Макария явился преемником и продолжателем трудов первого русского историка киево-печерского подвижника — преподобного Нестора летописца. Но в Степенной книге история излагается не по годам, как в летописи, а по степеням святых русских князей и митрополитов. Это первый на Руси исторический труд с систематическим изложением материала. Академик Д. Лихачев характеризует его так: «Степенная книга — это как бы путеводитель по современной Руси — святой и державной, но путеводитель, который сам является достопримечательностью и святыней. Степенная книга — это как бы икона «всех святых» Московского государства, икона, в которой временному придан вневременный смысл»⁵⁸. Трудно говорить о сопоставимости сочинений, которые разделяют четыре столетия, но невольно напрашивается мысль, что идеи, высказанные священником Сергием Мансуровым в его, к сожалению, неоконченном труде, были в некоторой степени предвосхищены в Макарьевско-

Афанасьевском труде. Разница заключается лишь в том, что отец Сергий дает историю всемирную, описывая ее по поколениям святых⁵⁹, а перомонах Афанасий — только русскую и по степеням князей и митрополитов.

Характерной особенностью составителя Степенной как автора является стремление прославить переяславских святых, и прежде всего преподобного Даниила. Написав перед этим пространное его Житие, он затем значительно перерабатывает его, дополняет и создает краткую редакцию Жития, поместив ее в Степенную книгу. С. Смирнов, характеризуя такой метод в написании этих двух редакций Жития, справедливо замечает: «Отмеченная черта в работе Андрея-Афанасия настолько выдающаяся, что мы затрудняемся указать среди древнерусских агнобиографов хотя бы один аналогичный пример»⁶⁰. В Степенной же книге помещено описание жуда преподобного Никиты Столпника Переяславского, особенно почитавшегося в Варшавской семье⁶¹, причём из Степенной оно вошло в состав Жития преподобного Никиты⁶².

В заключение об этом труде митрополита Афанасия приведем два высказывания П. Васенко, исследователя Степенной книги, свидетельствующие о ее популярности в древнерусской книжности. «Появление в короткое время нескольких типов списков Степенной указывает на усиленное ее переписывание сразу после окончания этого произведения. Зная деятельность митрополита Макария и средства, какими он располагал, исследователи русской старины поймут без сомнения всю неминуемость этого факта тем более, что повинка была, конечно, по сердцу Иоанна Грозного. Не ослабел интерес к Степенной и в XVII—XVIII веках, что доказывается многочисленными списками ее, дошедшими до нашего времени»⁶³. «При том следует иметь в виду, что отдельные статьи Степенной служили для пополнения такого агнобиографического сборника, как Чети-Миней священника Иоанна Милютина. Туда вошла между прочим взятая из Степенной жития св. Владимира, Изяслава Ярославича и Ярополка Изяславича, Ивана Даниловича и других»⁶⁴. Последнее замечание весьма важно, так как в нем можно усматривать последующую преемственность в просветительных начинаниях митрополита Макария. Этот очень важный момент выпадал из поля зрения исследователей, и создавалось впечатление обрыва в культурной жизни русского общества, который был вызван кончиной «чудного», по отзывам современников, митрополита Макария.

Как видим, литературная деятельность митрополита Афанасия связана со святителем Макарием, память которого, мы считаем, он почтил особой «Повестью», описывающей последние дни его жизни. По трем поздним спискам «Повесть» была опубликована Г. Кунцевичем⁶⁵. П. Васенко считает, что она была написана сразу после кончины митрополита Макария. «Думаем, что «Повесть» появилась еще до избрания Афанасия на митрополичью кафедру: он называется в ней «старцем Афанасием». Следовательно, рассматриваемое произведение написано до 24 февраля 1564 года под непосредственным впечатлением кончины митрополита Макария»⁶⁶. Занимаясь непосредственно изучением этого памятника, он ничего, однако, не сказал о его атрибуции. Но чтобы говорить об этом, нужно учитывать, что подобные произведения обычно писались очевидцами, причём очень близкими к описываемому лицу. Из четырех старцев, живших «безпрестанно» в последние дни при митрополите Макарии, своими литературными способностями известен лишь иеромонах Афанасий. Это и дает нам основание предполагать, что он является автором данной Повести, тем более, что в этом жанре он уже потрудился. Его перу принадлежит «Слово о изнеможении преподобного Даниила», где также описаны последние дни духовного отца будущего митрополита⁶⁷.

Повесть о кончине митрополита Макария обнаружена нами в списках XVII века в составе Хронографа редакции 1599 года⁶⁸. Данная редакция Хронографа интересна еще и тем, что в ней сохранилось послание митрополита Макария к своему преемнику по Новгородской кафедре, архиепископу Феодосию, о совершенном царском венчании Иоанна IV⁶⁹. Это, в свою очередь, наводит на мысль, что редакция Хронографа 1599 года имеет близкое отношение к литературному кругу митрополита Макария. В основу этой редакции и близкой к ней 1601 года положен не дошедший до нас, так называемый Пространный Хронограф, по классификации О. Творогова. Последний считает, что составитель данной редакции Хронографа принадлежал к категории тех книжников XVI в., которые выступали против «неползших повестей» и «писаний вешних», предпочитая им «Божественные Писания»⁷⁰. Тот же исследователь причисляет Пространный Хронограф к числу «централизирующих мероприятий» середины XVI века, связанных с именем митрополита Макария (Великие Чети-Миней, Стоглав, Степенная книга, Лицевой свод). «На этом фоне естественна и попытка создания новой пространной и одновременно исполненной духа христианского

благочестия редакции Русского Хронографа»⁷¹. Кто же из числа макарьевских книжников мог осуществить эту работу? Естественно предположить, что это был митрополит Афанасий, составитель и редактор Степенной книги. Уйдя на покой в Чудов монастырь, он продолжал работать в историческом жанре. Создавая новую русскую редакцию Хронографа, он поместил в нее и свой труд о последних днях своего предшественника — митрополита Макария, а затем Житие преподобного Даниила Переяславского, взятое из Степенной книги⁷². Обращает на себя внимание такой интересный факт. Предыдущая редакция Хронографа в 20-х годах XVI века была составлена племянником преподобного Иосифа Волоцкого Досифеем Топорковым, по прозвищу «Осифитие»⁷³. Но Досифей, как и митрополита Афанасия, также должно отнести к числу макарьевских книжников, так как, будучи в Новгороде, архиепископ Макарий благословил ему исправление текста Синайского Патерика⁷⁴. Хронологически имена Досифея и протопопа Андрея не связаны, но в контексте деятельности митрополита Макария можно усмотреть закономерную преемственность в трудах указанных авторов.

Работой над составлением Хронографа деятельность митрополита Афанасия не ограничилась. «Можно предполагать, что чудовский инок и бывший митрополит Афанасий принимал участие в создании лицевой летописи Русского государства»⁷⁵. Этому могла содействовать атмосфера в митрополичьем Чудовом монастыре. Архимандрит Левкий (1554—1568), при котором был совершен монашеский постриг старца Афанасия, известен своими книжными вкладами в библиотеку обители⁷⁶. В Чудов монастырь дарил книги знаменитый священник Сильвестр, автор «Домостроя»⁷⁷, и другие⁷⁸. На одной рукописи середины XVI века сохранился автограф монастырского библиотекаря: «Книга Чудова монастыря потписал книгохранитель чернец Симон»⁷⁹.

Сохранившиеся материалы о Всероссийском митрополите Афанасии свидетельствуют, что это была личность в высшей степени незаурядная и примечательная. За летописным выражением «царь и великий князь... с своими богомолцы с архиепископы и спископы... избрал в дом Пречистые Богородици... от архистратига Михаила Чюда старца Афонасия» скрывается нечто большее, чем простое летописное сообщение. На митрополичий престол был возведен сподвижник и продолжатель трудов великого иерарха и замечательного церковного деятеля святителя Макария. Митрополит Афанасий предстает перед нами в своих трудах как плодовитый писатель: историк-агиограф и историк-богослов. Начиная с него, все Московские первосвятители имеют белый клубок. Он — современник замечательных церковных, государственных и культурных начинаний XVI века. Изменившиеся, к сожалению, исторические обстоятельства не способствовали большей плодотворности его первосвятительской деятельности, тем не менее, мы вправе называть митрополита Афанасия продолжателем трудов святителя Макария и замечательным деятелем русской культуры XVI века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Митрополит Московский Макарий говорит о нем в своем труде только в связи с избранием на Всероссийскую кафедру и началом опричнины (см.: *Макарий*, митрополит Московский. История Русской Церкви в период разделения ее на две митрополии. Изд. 2. СПб., 1887, т. 6, с. 296—298). Казалось бы, следовало ожидать подробного рассмотрения жизни и деятельности митрополита Афанасия в обстоятельном труде маститого церковного историка Е. Е. Голубинского, но, как явствует из титульного листа его сочинения, оно доведено только «до митрополита Макария включительно».

² С. Смирнов. Житие преподобного Даниила, Переяславского чудотворца. Повесть о обретении мощей и чудеса его. М., 1908, с. IX.

³ Там же, с. 52.

⁴ Н. Розов. Похвальное слово великому князю Василию III.— В кн.: Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965, с. 284—285.

⁵ Как о царском духовнике см. о нем: *Леонид*, архим. Духовники великих князей и царей Московских и всея России.— ЧОИДР, М., 1876, кн. I, смесь, с. 217—218. Автор, правда, упоминает, что он впоследствии принял постриг в Новоспасском монастыре, но это вызвало справедливые возражения С. И. Смирнова (С. Смирнов. Житие преподобного Даниила, Переяславского чудотворца..., с. XI, прим. 5). О царских духовниках этого времени см. также: И. Курукин. Новые сведения монастырских архивов о Сильвестре.— В кн.: Вопросы источниковедения и историографии досоветского периода. М., 1979, с. 65—66.

⁶ ПСРЛ, СПб., 1901, т. 12, с. 230; ПСРЛ, СПб., 1913, т. 21, ч. 2, с. 569—570; *И. А. Шлякин*. Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского. СПб., 1905, с. 9; см. также: *С. Смирнов*. Житие преподобного Даниила, Переяславского чудотворца..., с. IX; *П. Васенко*. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904, ч. 1, с. 202, 203.

⁷ ПСРЛ, т. 13, ч. 1, СПб., 1904, с. 204.

⁸ Там же, с. 215. Упоминание о звоне Симоновского колокола поразительно, так как в этом монастыре были погребены троицкие иноки Пересвет и Ослябя, павшие в борьбе с татарами на Куликовом поле. Идущую связь взятия Казани с Мамаевым побоищем можно усмотреть также в приходе к царю под Казань двух троицких иноков, принесших ему в благословение икону и святую воду. Обращаясь к иконе, царь молился: «...И ты убо, преподобне отче Сергие, великий Христов угодниче, ускори ныне на помощь нашу и помогай молитвами си, яко же иногда прадеду нашему на Дону на поганого Мамая» (Казанская история. Подготовка текста и вступ. статья Г. Н. Моисеевой. М.—Л., 1954, с. 140). О складне, принесенном царю под Казань, см.: *Филмонов Г.* Описание складня XVI века. СПб., 1884. Перед походом царь, будучи в Троицком монастыре, молился перед мощами преподобного Сергия: «...Ты же прадеда нашего великаго князя Дмитрея молитвою вооружен на безбожнаго Мамая и безо всякого сумнения дерзати ему повеле... Яко же того, тако и нас вооружи и огради своими молитвами на супротивныя враги наша» (*А. Насонов*. Новые источники по истории Казанского «взятия».— В кн.: Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962, с. 11). Походный храм, в котором молился царь, был посвящен преподобному Сергию. Подробнее об этом см.: Kämpfer Frank. Die Eroberung von Kasan 1552 als begegenstand der Zeitgenössischen russischen Historiographie.— *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Berlin, 1969, S. 7—161.

⁹ ПСРЛ, т. 13, ч. 1, с. 217.

¹⁰ Там же, с. 219; ПСРЛ, т. 29, с. 108, 203.

¹¹ Один исследователь также обратил внимание на это, отметив только внешний фактор, т. е. его певческие способности, и высказал предположение: «Упоминания о нем (протопопе Андрее.—*И. М.*) в летописях рисуют его музыкально грамотным человеком. Не является ли именно Андрей автором (или одним из авторов) так называемого «Казанского» знамени, сочиненного по случаю взятия Казани в 1552 году?» (*А. Майкапар*. Из истории музыки Древней Руси.— «Вопросы истории», 1971, № 6, с. 213—214).

¹² *А. Насонов*. Новые источники по истории Казанского «взятия», с. 24.

¹³ *В. Иконников*. Максим Грек и его время. Изд. 2. Киев, 1915, с. 538; *С. Соловьев*. История России с древнейших времен. М., 1960, т. 5—6, с. 532.

¹⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею (далее: ААЭ). СПб., 1836, т. 1, с. 246. См. также: *С. Соловьев*. История России с древнейших времен. М., 1960, кн. 3, т. 5—6, с. 710; кн. 4, т. 7—8, с. 99.

¹⁵ ААЭ, т. 1, с. 242.

¹⁶ ПСРЛ, т. 13, ч. 1, с. 239. Совершенно аналогично сообщение летописи под 1556 годом о крещении царской дочери Евдокии (с. 265).

¹⁷ ПСРЛ, т. 13, ч. 2. СПб., 1906, с. 333; ПСРЛ, т. 29, с. 291.

¹⁸ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1887, т. 59, с. 406, 509—510.

¹⁹ См.: Псковские летописи. М., 1955, вып. 2, с. 245. Предыдущий духовник Иоанна Грозного также в конце жизни принял постриг в Чудовом монастыре (см.: *П. Васенко*. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904, ч. 1, с. 194). Предстоящее монашество было предвозвещено преподобным Даниилом Переяславским в чудесном видении священнику Андрею, когда он был в военном походе в 1552 году под Казанью (*С. Смирнов*. Житие преподобного Даниила..., с. 76). А. Зимин говорит о царском духовнике: «Андрей протопоп (будущий митрополит Афанасий), духовник царя, в середине века принадлежал к числу наиболее доверенных лиц Ивана IV. Он близко стоял к деятельности Избранной рады. Гонения на сторонников Адашева в 1561—1562 гг. могли быть одной из причин, почему Андрей в 1562 г. постригся в Чудовом монастыре в монахи под именем Афанасия» (*А. Зимин*. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, с. 239). Трудно, однако, увязать опалу протопопа с последующим его избранием в митрополиты.

²⁰ Повесть была опубликована по поздним спискам Г. З. Кунцевичем (см.: *Г. Кунцевич*. Сказание о последних днях жизни митрополита Макария (15 сентября—31 декабря 1563 г.).— Отчеты о заседаниях имп. Общества любителей древней письменности в 1907—1910 гг. Памятники древней письменности и искусства (далее—

ПДПИ), № 176, СПб., 1911). Указанная Повесть будет цитироваться нами по списку начала XVII века в составе Хронографа 1599 года.

²¹ БАН, 31.6.27. Хронограф, л. 617 об.

²² Там же, л. 619.

²³ ПСРЛ, т. 13, ч. 2, с. 378; Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею. СПб., 1846, т. I, с. 331—333. О цвете печати митрополита Афанасия свидетельствуют также материалы сфрагистики (см. В. Шумилов. Государственное древлехранилище хартий и рукописей. М., 1971, с. 103, № 215, с. 112, № 236).

²⁴ ПСРЛ, т. 13, ч. 2, с. 380—381; ПСРЛ, т. 29, М., 1965, с. 332—333; Русская историческая библиотека (далее — РИБ). СПб., 1876, т. 3, стб. 215—217. Публикация Чина митрополичьего постановления см.: ААЭ, т. I, с. 297—300.

²⁵ Макарий, митрополит Московский. История Русской Церкви. Изд. 2. СПб., 1887, т. 6, с. 296—297.

²⁶ ПСРЛ, т. 13, ч. 2, с. 382.

²⁷ П. Янковский. Печалование духовенства за опальных в первенствующей Церкви Греко-Римской вообще и в Церкви Древне-Русской по преимуществу.— ЧОИДР, 1876, кн. 1, с. 182.

²⁸ И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.—Л., 1958, с. 201.

²⁹ ПСРЛ, т. 13, ч. 2, с. 383, 390.

³⁰ Переяславль юрисдикционно входил в епархию архиепископа Никандра.

³¹ М. Тихомиров. Новый материал об Иване Грозном.— В кн.: ТОДРЛ, М.—Л., 1958, т. 14, с. 252—253. Первый русский царь Иоанн IV был большим почитателем преподобного Никиты Переяславского, свидетельством чего является его внимание к Никитскому монастырю. Во вкладной монастырской книге читаем: «Царь Иван Васильевич учинил общее жительство и над гробом чудотворца Никиты строил церковь во имя мученика Никиты, да два придела: один во имя всех святых, а другой преподобного Никиты и святых врата каменная, и на святых воротах церковь во имя архангела Гавриила честного и славного его собора и ограду каменную соорудил круг дому чудотворца Никиты, и службы все устроил по общему жительству, и в церквах Божие милосердие украсил» (А. Потапов. Очерк древней русской гражданской архитектуры.— Древности. Труды имп. Московского археологического общества. М., 1902, т. 19, вып. 3, с. 4).

³² В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 283.

³³ М. Тихомиров. Новый материал об Иване Грозном..., с. 255.

³⁴ РИБ, т. 32. Архив П. М. Строева. Пгр., 1915, т. I, стб. 449—450; ААЭ, т. I, с. 302—303.

³⁵ Митрополит Казанский Ермоген, будущий Всероссийский патриарх, сообщает, что хиротонию Тверского архиепископа Варсонофия († 1576; память 11 апреля) совершил также митрополит Афанасий: «Потом же Божиим смотрением по повелению самодержца государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России, в лето семь тысяч седмдесят... Афанасием, митрополитом Московским и всея России, поставляется на епископство (Варсонофий.— И. М.) славному граду Тфери, на Акакиевом месте преподобного епископа, сему убо ко Господу отшедшу» (Платон, архим. Сборник древностей Казанской епархии..., Казань, 1868, с. 26—27). В рукописи, по которой архимандрит Платон издал данное Житие, в дате на месте единиц переписчик сделал пропуск. Хиротонию же святителя Варсонофия датируется 1567 годом (см.: П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877, стб. 442; Настольная книга священнослужителя. М., 1979, т. 3, с. 178), когда митрополит Афанасий был уже на покое. Но в Тверском Патерике говорится, что хиротонию совершил святитель Филипп (Тверской) Патерик. Краткие сведения о тверских местно чтимых святых. Казань, 1907, с. 82). Замена имени митрополита в Житии святителя Варсонофия объясняется, возможно, тем, что, когда оно составлялось, было целесообразнее не упоминать о митрополите, скончавшемся мученической кончиной.

³⁶ П. Строев. Цит. соч., стб. 438, 448, 494. См. также: А. Свирелин. Историко-статистическое описание Переславского Троицкого Данилова монастыря. М., 1860, с. 53; ААЭ, т. I, с. 301—302. Воспроизведение подписи митрополита Афанасия на одном из актов см.: М. Погодин. Русский исторический альбом. М., 1837, табл. 9; то же, М., 1853, табл. 9; Царь Иоанн Грозный. Под ред. Н. Головина и Л. Вольфа. СПб., 1904, с. 60.

³⁷ Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1961, ч. 3, с. 29—30, 31,

68—70, 82—84, 97—99, 359—362, 366—368; *С. Соловьев*. История России..., т. 7—8, с. 376—377, ГИМ, Симоновское собр. № 58, л. 834 об.

³⁸ *М. Тихомиров*. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968, с. 407.

³⁹ *А. Зернова*. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947, с. 40.

⁴⁰ У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 220.

⁴¹ ПСРЛ, т. 13, ч. 2, с. 392.

⁴² Там же, с. 401.

⁴³ *А. Зимин*. Опричнина Ивана Грозного, с. 240.

⁴⁴ ПСРЛ, т. 13, ч. 2, с. 403.

⁴⁵ Там же, с. 408; ПСРЛ, т. 29, с. 355; РИБ, т. 3, стб. 292—293.

⁴⁶ *Б. Кюсс*. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1890, с. 263.

⁴⁷ См.: Московский кафедральный Чудов монастырь. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1896, с. 43—49.

⁴⁸ *В. Ключевский*. Древнерусские жития святых..., с. 282. Об этом Житии говорит также *А. Кадлубовский (Кадлубовский А.)*. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, с. 273—284).

⁴⁹ *С. Смирнов*. Житие преподобного Даниила..., с. V.

⁵⁰ Там же, с. 5.

⁵¹ Там же, с. 58.

⁵² Во всяком случае, известно, что он занимался переписыванием книг. На одной рукописи Волоколамского монастыря имеется запись: «Апостол Пречистые Богородицы Иосифова монастыря, дана на список благоуещенскому протопопу Андрею» (*Б. Кюсс*. Никоновский свод..., с. 263). У царя Иоанна IV некоторое время находился Трещник митрополита Афанасия (Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание. Л., 1982, с. 48).

⁵³ *Е. Барсов*. Вновь открытое слово пресвитера Андрея в списке XVI века.— ЧОИДР, 1883, кн. 1. Материалы историко-литературные, с. 5.

⁵⁴ ПСРЛ, т. 13, ч. 1, с. 254.

⁵⁵ Там же, с. 273; ПСРЛ, т. 29, с. 249; *Кашменский С.*, прот. О чудотворной Великолукской иконе святителя и чудотворца Николая. «Вятские епархиальные ведомости», 1875, № 10, отдел духовно-литературный, с. 321. Вместе имена поновителей иконы святителя Николая помещены и в Сказании о святых иконописцах. После митрополита Макария читаем: «Преосвященный Афанасий, митрополит Московский и всея России, писаше многие святые иконы» (*И. Сахаров*. Исследование о русском иконописании. СПб., 1850, кн. 2, приложение, с. 14).

⁵⁶ БАН, картотека акад. Н. К. Никольского, карточки №№ 0521—0523. Кроме публикации, он указал два списка Слова по рукописям XVII века. Нам обнаружен еще один список по рукописи XVI века: ГИМ, собр. Н. П. Вострякова № 907, Сборник похвальных слов, лл. 116—119 об. (Текст Слова по этой рукописи см. в приложении к данной статье). Но первоначально он не назвал этого труда, как принадлежащего протопопу Андрею (см.: *Н. Никольский*. Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI—XVII вв.). Вып. 1. А—Б, СПб., б. г., с. 91—92). О его картотеке см.: *В. Покровская*. Картотека академика Н. К. Никольского.— В кн.: Труды библиотеки Академии наук СССР. М.—Л., 1948, т. I, с. 142—150; *Адрианова-Перетц В. П.* Картотека Н. К. Никольского.— «Вопросы языкознания», 1961, № 1, с. 121—125.

⁵⁷ *П. Васенко*: 1) «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904, ч. 1, с. 243; 2) Кто был автором «Книги Степенной царского родословия»?— «ЖМНП», 1902, декабрь, с. 36. Описание содержания данного памятника см.: *П. Васенко*. Составные части «Книги Степенной царского родословия».— Летопись занятий Археографической комиссии за 1906 год. СПб., 1908, вып. 19, с. 1—51.

⁵⁸ *Д. Лихачев*. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3. М., 1979, с. 280. Об агнографическом характере Степенной книги см. также: *П. Васенко*. «Книга Степенная...», с. 227—232.

⁵⁹ *Мансуров С.* свящ. Очерки из истории Церкви.— «Богословские труды», сб. 6. М., 1971, с. 92—100.

⁶⁰ *С. Смирнов*. Житие преподобного Даниила..., с. XXVI.

⁶¹ ПСРЛ, т. 21. Книга Степенная царского родословия. СПб., 1913, ч. 2, с. 651—652; *Г. Кунцевич*. Житие святого Никиты Переяславского.— «ЖМНП», СПб., 1902, V, с. 1—2. Священник Александр Свирелин считает, что автором Жития преподобного Никиты является митрополит Афанасий (*Свирелин А.*, свящ. Описание Переяславского Никитского монастыря в прежнее и нынешнее время. М., 1878, с. 10).

⁵² Г. Кунцевич. Житие святого Никиты столпника Переяславского. Чудо 19-е и 20-е. СПб., 1902, с. 4.

⁶³ П. Васенко. «Книга Степенная...», с. 113. Почти современна Степенной книге роспись кремлевского Архангельского собора, которая, по мнению Е. Сизова, является иллюстрацией к ней. Он говорит: «Итак, включенная в роспись Архангельского собора галерея условных портретов всеми ее особенностями и главным своим замыслом напоминает общие черты построения «Степенной книги», ее основную идею. Здесь, как и в «Степенной книге», реально ощущаются те золотые ступени, что ведут святых князей в Царство Небесное, представлен тот же государственный парад» (Е. Сизов. Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятники письменности XVI в.— В кн.: ТОДРЛ, т. 22. Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси. М.— Л., 1966, с. 271). Срав.: Н. Е. Мнева. Монументальная и станковая живопись.— В кн.: Очерки русской культуры XVI века. Изд. МГУ, 1977, ч. 2, с. 321.

⁶⁴ П. Васенко. «Книга Степенная...», с. 231.

⁶⁵ Г. Кунцевич. Сказание о последних днях жизни митрополита Макария (15 сентября — 31 декабря 1563 г.).— Отчеты о заседаниях имп. Общества любителей древней письменности в 1907—1910 годах. ПДПИ 176. СПб., 1911.

⁶⁶ П. Васенко. «Книга Степенная...», с. 183.

⁶⁷ См.: С. Смирнов. Житие преподобного Даниила..., с. 77—80.

⁶⁸ БАН, 31.6.27, лл. 614—622 об.; ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 23, в лист, л. 1041—1054.

⁶⁹ БАН, 31.6.27, л. 524—524 об.; ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 23, л. 875—876; Веретенников П., свящ. Первосвятительская деятельность Макария, митрополита Московского († 1563).— «Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата», 1980—1981, № 105—108, с. 244—245, прим. 104.

⁷⁰ О. Творогов. Древнерусские Хронографы. Л., 1975, с. 44.

⁷¹ Там же, с. 230.

⁷² БАН, 31.6.27, л. 624—631 об. Очень интересные высказывания о Хронографах имеются у С. Розанова. Он говорит: «Остается, следовательно, предполагать, что в основании редакций 1599 и 1601 гг. лежит одна общая редакция. Эта редакция должна быть сравнительно недавняя, т. е. составленная во всяком случае уже во второй половине XVI столетия. На это указывают такие добавочные статьи, как: «Из книги мудреца Маркуса о десяти сивиллах» и «О Лютори Мартыне», статьи, несомненно, второй половины XVI столетия. Мы остановимся на первой статье: она, нам кажется, может служить указанием на то, что эта редакция была составлена не ранее 1564 года. Дело в том, что эта статья оказывается очень сходной с таковой же в русском переводе хроники Мартина Бельского по 3-му изданию 1564 г. Сравнение мы делали по переводу 1584 г. в списке 1671 г. (Публ. библ., F IV, 162, л. 313—318), но отодвинули предел к 1564 г. на том основании, что мы встретили в редакции 1599 и 1601 гг. кое-какие различия в расположении содержания некоторых частей, а главное — лишек сравнительно с этим переводом Хроники. Конечно, перемену в расположении содержания можно отнести за счет списка Хронографа, а лишек на счет данного списка перевода, но, оказывается, кроме этого перевода, был еще другой, сделанный раньше, при митрополите Афанасии (1565—1568)» (С. Розанов. Заметки по вопросу о русских Хронографах.— «ЖМНП», 1904, январь, с. 124—125). Об этом переводе Хроники см.: А. Зимин. Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. М., 1978, т. 3, с. 499—500; Н. Казакова. Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков. Л., 1980, с. 235—237.

⁷³ А. Седельников. Досифей Топорков и Хронограф.— Известия АН СССР. VII серия. Отделение гуманитарных наук. Л., 1929, № 9, с. 755—773; Б. Клосс. Иосифо-Волоколамский монастырь и летописание конца XV — первой половины XVI в.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974, вып. 6, с. 120—121.

⁷⁴ Смирнов И., свящ.: 1) Материалы для характеристики книжной деятельности Всероссийского митрополита Макария.— «Богословский вестник», 1916, V, с. 183; 2) Синайский Патерик. Сергиев Посад, 1917, с. 161.

⁷⁵ Б. Клосс. Никоновский свод..., с. 263.

⁷⁶ См.: Т. Протасьева. Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980, с. 101—102, № 189; с. 112, № 206; с. 136, № 240; с. 146—147, № 261; с. 152, № 265.

⁷⁷ Там же, с. 101, № 188.

⁷⁸ Там же, с. 127, № 228. В 1570 году в качестве вклада в библиотеку Чудова монастыря поступила печатная книга Апостол, вышедшая при митрополите Афанасии